

статьѣ о К. Д. Кавелинѣ, и въ очеркѣ исторіи новаго суда («Новое вино и новые мѣха», см. «Книжки Недѣли» за 1892 г.), и въ др. его произведеніяхъ. Съ особенной-же силой она сказала въ томъ знаменитомъ литературномъ портретѣ, которымъ онъ воскресилъ и обезсмертилъ замѣчательнаго, но забытаго московскаго филантропа д-ра Газа.

При всей художественности и образности, языкъ А. О. Кони замѣчательно простъ. Особенно замѣтно избѣжаніе имъ иностранныхъ словъ, которыя онъ всегда удачно замѣняетъ русскими выраженіями. Простота и непритязательность замѣтны не только въ произведеніяхъ автора «Судебныхъ рѣчей», но и въ скромной личности самого А. О. Будущій біографъ Кони въ героѣ своего повѣствованія встрѣтитъ общественнаго и государственнаго дѣятеля «безъ страха и упрека».

М.

ИЗЪ РУССКИХЪ ИЗДАНИЙ.

Новый рассказъ А. П. Чехова.—Гр. А. Толстой, какъ славянофилъ и патріотъ.—Взглядъ А. Толстого на искусство.—Проф. Миллюковъ о русской культурѣ.—Новый толстый журналъ.—Мысли Н. В. Шелгунова о воспитаніи.—Переписка М. Башкирцевой съ Гюи де-Мопасаномъ.—Иривственность и право.—Послѣдователи Маркса.—Г. Короленко о человѣческомъ жертвоприношеніи.—Своеобразное путешествіе по Китаю.—Изъ русскихъ нравовъ прошлаго вѣка.

Молодые корифеи русской беллетристики работаютъ крайне медленно: одинъ-два небольшихъ рассказа въ годъ, а иные — вродѣ г. Короленко—не даютъ даже и этого, только дразня своихъ поклонниковъ полупублицистическими очерками, не имѣющими художественнаго интереса. Въ этомъ году г. Чеховъ былъ особенно бесплоденъ: въ то время какъ беллетристы второстепенные заваливали журналы своими романами и повѣстями, этотъ художникъ обмолвился неудачнымъ этюдомъ «Три года» да двумя крошечными рассказами. Тѣмъ пріятнѣе

было встрѣтить въ послѣдней книжкѣ «Русской Мысли» довольно большой и прекрасно-написанный разсказъ «Убійство», имѣющій и бытовой, и художественный, и даже научный интересъ. Что такое убійство? Откуда является та страшная, злая воля, съ которою не въ силахъ справиться иногда вовсе не жестокий и даже не злой человѣкъ? На процессѣ Ольги Палемъ одинъ докторъ-экспертъ выразился, что «убійство всегда—психозъ». Разсказъ г. Чехова ярко иллюстрируетъ эту не новую, но еще мало распространенную мысль. Описывается семья старозавѣтныхъ крестьянъ Тереховыхъ, содержащихъ трактиръ на маленькой станціи желѣзной дороги. «Тереховы всегда отличались религіозностью, такъ-что имъ даже дали прозвище—Богомоловы. Но, можетъ быть, оттого, что они жили особнякомъ, какъ медвѣди, избѣгали людей и до всего доходили своимъ умомъ, они были склонны къ мечтаніямъ и къ колебаніямъ въ вѣрѣ, и почти каждое поколѣніе вѣровало какъ-нибудь особенное». Послѣднее поколѣніе этого рода—братья Яковъ и Матвѣй и сестра Аглая. Младшій братъ Матвѣй былъ вначалѣ аскетъ и подвижникъ, изнурялъ свою плоть и достигалъ совершенства, но загордился, отсталъ отъ церкви и чуть-было не основалъ своей секты; дойдя до религіознаго изступленія, онъ нечаянно «впалъ въ блудъ», и глаза у него открылись; одинъ добрый человѣкъ убѣдилъ его быть «какъ всѣ». Матвѣй, человѣкъ больной и плохой работникъ, отдалъ всѣ свои деньги «душенькѣ», съ которою согрѣшилъ, а самъ переселился къ брату Якову. Насколько Матвѣй былъ безпечный, съ душою поэтической и мечтательной, настолько Яковъ былъ человѣкъ положительный и серьезный. «Это былъ очень красивый старикъ, высокаго роста, съ широкою сѣдою бородой почти до пояса и съ густыми бровями, придававшими лицу суровое, даже злое выраженіе... Въ церковь онъ не ходилъ, потому-что, по его мнѣнію, въ церкви неточно исполняли уставъ и потому-что священники пили вино въ непоказанное время и курили табакъ. Дома у себя онъ читалъ и пѣлъ вмѣстѣ съ Аглаей». Въ сосѣднемъ погостѣ «въ заутреню вовсе не читали кано-

на и вечерню не служили даже въ большіе праздники, онъ-же у себя дома прочитывалъ все, что полагалось на каждый день, не пропуская ни одной строки и не торопясь, а въ свободное время онъ читалъ вслухъ житія... Онъ читалъ, пѣлъ, кадилъ и постился не для того, чтобы получить отъ Бога какія-либо блага, а для порядка». Братъ Матвѣй, пріѣхавшій съ завода и поселившійся въ трактирѣ, съ первыхъ-же дней сталъ нарушать порядокъ. Онъ не хотѣлъ молиться вмѣстѣ, ѣлъ и пилъ чай не во-время, поздно вставалъ, въ среды и пятницы пилъ молоко, будто-бы по слабости здоровья; почти каждый день во время молитвы онъ входилъ въ моленную и кричалъ: «Образумьтесь, братецъ! Покайтесь, братецъ!» Отъ этихъ словъ Якова Ивановича бросало въ жаръ. Аглая, не выдержавъ, начинала браниться». Съ большимъ мастерствомъ г. Чеховъ описываетъ, какъ постепенно росло глухое чувство раздраженія въ старшемъ братѣ и какъ росла ненависть къ Матвѣю въ сестрѣ; какъ насаивались другъ на друга презрѣніе къ характеру Матвѣя съ опасеніемъ, что тотъ потребуетъ доли облаго имуществу... Своими упреками и призывами къ покаянію Матвѣй лишилъ Якова душевнаго мира и разбудилъ въ немъ сомнѣніе и тоску. Совершенно безотчетно устанавливаются отношенія, когда человѣкъ не можетъ уже терпѣть человѣка. Яковъ пробовалъ бороться съ этимъ чувствомъ, но оно его одолевало. «Онъ безъ шапки прошолся по двору, потомъ вышелъ на дорогу и ходилъ, сжавъ кулаки, — въ это время пошолъ свѣтъ хлопьями, — борода у него развѣвалась по вѣтру, онъ все встряхивалъ головой, такъ какъ что-то давило ему голову и плечи, будто сидѣли на нихъ бѣсы, и ему казалось, что это ходитъ не онъ, а какой-то звѣрь, громадный, страшный, и что если онъ закричитъ, то голосъ его пронесется ревомъ по всему полю и лѣсу и напугаетъ всѣхъ». Въ Яковѣ проснулась *bête humaine*: ничтожный предлогъ — и драма разыгралась; Яковъ съ сестрою Аглаей внезапно, неожиданно для себя убиваютъ Матвѣя... Сцена убійства и душевное состояніе всѣхъ лицъ описаны съ поразительною жизненностью. Разсказъ окан-

чивается картиной, какъ братоубійца Яковъ, послѣдній въ родѣ религіозныхъ, искавшихъ Бога людей, стоитъ среди каторжныхъ на мрачномъ Сахалинскомъ берегу, снѣдаемый тоскою по родинѣ и запоздавшимъ сознаниемъ истинной вѣры въ Бога. Какъ и всѣ рассказы г. Чехова, «Убійство» закончено нѣсколько вяло и неопредѣленно, но психологическій процессъ, выпуклость характеровъ и бытовая правда разсказа замѣчательны, какъ всегда.

Въ «Вѣстникѣ Европы» напечатаны еще нѣсколько писемъ гр. А. Толстого. Одни изъ нихъ дышатъ глубоко поэзіей и страстною влюбленностью въ природу, — другія затрогиваютъ нравственные, политическія и литературныя темы. Врагъ насильственной нивелировки во внутренней политикѣ, А. Толстой настойчиво защищалъ однѣ лишь культурныя мѣры. «Ваше мнѣніе, пишетъ онъ въ 1869 г., можно выразить слѣдующими словами: навязать русскую національность всѣми средствами. А моя мысль сводится къ слѣдующему: сдѣлать такъ, чтобы эта національность была *желательна*. — Вы говорите: уравниемъ все, *понижимъ* уровень чужихъ народностей. Я-же говорю: *уравниемъ все, возвысимъ русскій уровень* (курсивъ А. Толстого). — Вы мнѣ на это скажете: но это не сдѣлается въ одинъ день! Я вамъ отвѣчу: очень жаль, — вотъ и все... Мнѣ кажется, что ваша система никуда не годится, — не оттого, что она безнравственна, но оттого, что она дѣйствуетъ диаметрально противоположно своей цѣли»...

Алексѣя Толстого иногда причисляли къ славянофиламъ, но и о славянствѣ онъ держался совсѣмъ особаго мнѣнія. «Я не презираю славянъ, напротивъ, я имъ симпатизирую, но только тогда, когда они заявляютъ свою свободу и автономію, или когда они дѣлаютъ разныя историческія изысканія или археологическія раскопки. Но я объявляю себя ихъ непріателемъ, какъ только они нападаютъ на европеизмъ и когда они сопоставляютъ свою проклятую общину принципу индивидуальности, единственному принципу, въ лонѣ котораго можетъ развиваться цивилизація вообще и *искусство* въ особенности.

(8/4)